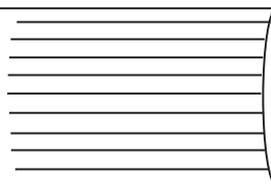

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.А. Головина

Правовой суверенитет и мировое право

В настоящей статье рассматривается концепция мирового права (как правовая основа мирового государства) в ее исторической и современной геополитической интерпретации, отмечается кризис данной концепции в современном трансформирующемся миропорядке, в связи с чем категория государственного суверенитета вновь выходит на историческую авансцену (во всех его измерениях, включая правовой суверенитет).

Ключевые слова: государственный суверенитет; правовой суверенитет; мировое право; мировое государство; глобализм; антиглобализм.

После распада СССР и устранения идеологического конкурента в лице коммунизма, либерализм в его глобалистской, эспансионистской интерпретации остался, по сути, единственной конкурентоспособной «утопией», к которой предлагалось двигаться всему прогрессивному человечеству. На волне оптимистичных прогнозов о «конце истории» и полной победе западной концепции мироустройства все большую популярность стал получать тезис о том, что суверенитет — устаревшая категория, анахронизм, а будущее — за глобальной повесткой. Тенденции глобализации, дополнявшиеся несомненным успехом европейского интеграционного проекта, казалось, давали все основания для такого утверждения.

Однако в силу ряда причин объективного и субъективного характера эта повестка (неожиданно для многих ее приверженцев) забуксовала. Брекзит (и разговоры о чуть ли не дюжине других «экзитов» — грекзите, португекзите и т. д. [3]), победа на выборах в США Д. Трампа (одним из первых решений которого всего через несколько дней после инаугурации стал «запуск» выхода США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП)), усиление позиций правых партий в ведущих европейских странах стали наглядными симптомами этого процесса.

Американским аналитикам Яну Бреммеру и Нуриэлью Рубини пришлось констатировать: в мире больше нет стран или блоков, способных следовать «глобальной повестке дня»: «в последние несколько месяцев группа стран — ведущих экономик мира — превратилась из слаженного оркестра в какофонию. Этот мир больше не мир G-7 («Большой семерки»), не мир G-20. Это мир G-0» [7].

В этих условиях становится очевидно, что национальный суверенитет (суверенитет государства) еще далеко не готов так просто сдавать свои позиции натиску глобализации и наднациональных интеграций.

Одним из наиболее важных измерений национального суверенитета, наряду с экономическим, политическим, демографическим, идеологическим и др., мы считаем правовой суверенитет, под которым можно понимать самостоятельность и независимость государства в принятии юридически значимых решений (в том числе в выборе правовых моделей, отвечающих национальному правовому менталитету и национальным правовым традициям; в заключении или незаключении тех или иных международных договоров, либо заключении их со своими оговорками; в противодействии экспансии правовых моделей зарубежных государств в том случае, если они противоречат национальным интересам и т. д.) (см. также более подробно [11]).

У концепции правового суверенитета и сегодня остается немало конкурентов, каждый из которых в той или иной мере оспаривает «право государства на право» — на возможность государства самостоятельно и независимо от других акторов принимать общеобязательные правила поведения, регулирующие общественные отношения. Среди таких конкурирующих концепций, на наш взгляд, можно назвать следующие: мировое право, сетевое право, теневое право, электронное право, неоанархизм, неолиберализм, сервисное государство, концепция разделенного суверенитета; метанормативизм (этим термином мы предлагаем обозначать правовую парадигму, обосновывающую возможность существования права вне законодательства и, соответственно, возможность существования неправового закона, т. е. издаваемого государством закона, который якобы не имеет отношения к праву).

Одной из наиболее антиномичных к концепции национального правового суверенитета является концепция так называемого мирового права, которое рассматривается как правовая основа формирования в будущем мирового государства.

Об опасности реализации этой концепции говорил еще И. Кант, один из первых мыслителей, который в своих изысканиях обратился к данной категории. Современный немецкий исследователь д-р Гельмут Вагнер комментирует воззрения классика на эту проблему следующим образом: «Почему Кант, как и другие его современники, например, аббат Сент-Пьер (1658–1743) и Жан-Жак Руссо (1712–1778), не видел в мировом государстве, монополизировавшем всю власть, достаточной гарантии для поддержания мира? Потому что оно, хотя и было бы в состоянии заботиться о мире, одновременно препятствовало бы “самостоятельности государств”, которая необходима для блага человечества, согласно кантовскому принципу: “Человек хочет согласия, но природа знает лучше, что хорошо для его рода, а именно — раздор”». В собственных произведениях Г. Вагнера эта идея нашла выражение в следующих словах: «Существование суверенных государств неизбежно ведет к военным конфликтам. Но с точки зрения здравого смысла оно лучше, чем их слияние, где одно государство будет возвышаться над другим, что приведет к власти универсальной монархии.

Ибо законы по мере увеличения власти правительства все больше и больше теряют свое значение, разрушив основы добра, впадают в конце концов в анархию». Кант к этому добавил, что правда состоит в том, что каждое большое государство стремится к тому, чтобы господствовать над всем миром и таким образом заботится о поддержании мира. Но, говорит он, «природа хочет иного». Она пользуется «двумя средствами, чтобы удержать народы от смещения и обособить их — разнообразием их языков и религий». Важно для свободы, чтобы «церковный двор» создавался не «деспотизмом» одного государства, а «самым оживленным состязанием» между всеми общественными и государственными силами, чтобы прийти к миру «на основе “согласия”» [4: с. 53].

Однако, несмотря на вполне аргументированные предостережения великого философа, в XX и XXI вв. концепция мирового права и мирового государства завоевала определенную популярность и появилась в дискурсе некоторых ученых и геополитиков.

Из недавно встретившихся нам примеров: Т.И. Виноградова, со ссылкой на отдельных российских и зарубежных авторов, писала в 2004 году, исследуя понятие политического управления: «Политическое управление представляет собой сферу взаимоперехода политики в управление и обратно, область корректировки проводимой политики и принятых управленческих решений под действием конкретных обстоятельств и условий их реализации, включая диалог с обществом. Спрос на политическое управление в таком понимании обоснован процессами глобализации, когда требуются управленческие структуры, способные быстро реагировать на новые проблемы и ускоренно оценивать те или иные перспективы. Действительно, данная концепция предполагает постепенную трансформацию структур государственного управления и местного самоуправления старого типа — иерархичных и бюрократичных — в гибкие и комплиментарные административные структуры нового типа. Саму глобализацию часто рассматривают как новую форму политической власти. Соответственно возникает и такой феномен, как *global governance* («глобальное политическое управление»). Он означает развитие специализированных международных организаций, таких как Лига Наций, ООН, Совет Европы и др. Создание этих «первичных мировых государств» является процессом создания определенных институтов, но, в отличие от более ранних «мировых государств», они возникают постепенно, на основе соглашений» [5].

Однако на настоящий момент иллюзии такого рода разбиваются о реалии практики. Действительность со всеми ее противоречиями оказывается, как и всегда, богаче и сложнее любых умозрительных схем и абстрактных прогнозов.

Некоторое время назад прообразом «мирового парламента» предлагалось считать, например, ООН. По этому поводу президент Института Ближнего Востока Е.Я. Сагановский справедливо замечает: «Организацию Объединенных Наций, основанную 26 июня и начавшую работу 24 октября 1945 года — преемницу Лиги Наций, общественное мнение рассматривает как мировой парламент. Судя по результатам деятельности ООН, нет ничего более далекого от действительности, чем

такое восприятие этой малоэффективной бюрократической структуры, живущей по своим, далеким от реальной жизни законам. Дорогостоящие миротворческие структуры ООН никого ни от чего не защищают. Комиссии и комитеты занимаются не осмысленной деятельностью, а интригами, выбиванием и осваиванием бюджетов. Организация коррумпирована, чиновники торпедируют самые серьезные и неотложные проекты, политкорректность, возведенная в степень, доведена до абсурда. ООН, пережив эпоху противостояния военно-политических блоков, когда она служила полем битвы идеологических систем и платформой для диалога сверхдержав в моменты, когда их противостояние заходило в тупик, во многом — раритет мироустройства, сложившегося после завершения Второй мировой войны. Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея выпускают резолюции, которые никто не выполняет и на которые мало кто, помимо участников процесса, обращает внимание» [8: с. 375].

Более того, на наш взгляд, сегодня приходит понимание, что концепция мирового государства (и, соответственно, мирового права) не только не оправдывает себя, но и несет угрозу развитию многополярного мира, при том, что чем меньше полюсов, тем меньше устойчивость, как это доказала новейшая история. В отсутствие центров сдерживания велик риск появления глобальных гегемонов, которые реализуют свою политику, игнорируя интересы и потребности других стран, что в конечном итоге пагубно отражается на интересах всех игроков. Неслучайно прошедшие в 2016 г. выборы президента США показали назревание в этой стране, долгое время акцентировавшейся на глобальной повестке, острейших внутренних проблем, а победивший кандидат пришел к победе с лозунгом «Сделаем Америку великой снова», тем самым констатируя, что сегодня она уже таковой не является.

Ю.А. Тихомиров задается справедливым вопросом: «Можно ли считать оправданными предсказания мыслителей прошлого и современности о формировании универсального правового регулятора в виде “метаправа” [5: с. 187–198] или образования по призыву Святого Духа универсальной интегративной юриспруденции вместе с системой мирового права [2: с. 9–11]. Сохраняет ли силу марксистское предвидение отмирания права? Ответ дать очень трудно, поскольку в мире развиваются такие разные, но и взаимосвязанные “правовые потоки”, как национально-государственное право, глобальное и региональное международное право, корпоративное регулирование общественных объединений, саморегулирование на стыке норм права и морали. Главное — стремление согласовать эти “потоки”, а не поглощать их во взаимном противоборстве, найти путь к гармонии в мире, в обществе и в человеке» [10: с. 232].

В другой работе этот автор отмечает: «Похоже, что Римский клуб, всегда уповавший на “революцию сознания”, ошибся в своих прогнозах мягкого “растворения” государственно-правовых регуляторов в общечеловеческом регуляторе. Однако эта проблема имеет исторический смысл, поскольку человечество всегда сталкивалось с решением задач упорядоченности социальной и личной жизни и покушениями на жизнь и свободы людей, наций и государств.

Правопорядок всегда противостоит насилию, хотя право и использует принуждение в легальных процедурах и для достижения устойчивости правопорядка и миропорядка, обеспечения публичных, коллективных и личных интересов. Насилие же вне правовых форм всегда оказывается разрушительной силой, ограничивающей и ликвидирующей права и свободы людей, подавляя гражданское и национальное самосознание, ограничивая и даже разрушая суверенитет государств» [9].

Концепция мирового права прямо антагонистична концепции правового суверенитета, поскольку подразумевает растворение индивидуального во всеобщем, при том, что такое всеобщее, по факту, понимается не как результат согласования волей, а скорее как неограниченная экспансия другого индивидуального.

В связи с этим различного рода предсказания неизбежности мирового государства и мирового права, к которым когда-нибудь придет прогрессивное человечество, можно рассматривать в том числе и как элемент попыток своего рода «программирования», подспудного навязывания именно такой желаемой модели будущего. Однако здоровое чувство самосохранения, присущее жизнеспособным сильным государствам, позволяет к такого рода попыткам относиться с известной долей скепсиса.

Похоже, осознание того, что победа «единственно верного учения» либерализма и концепции мирового государства / мирового права отодвигается на неопределенный срок, все больше приходит к западным мыслителям.

Так, одна из недавних книг Генри Киссинджера (Henry Kissinger) называется «Мировой порядок» (World Order). Ее название западные эксперты считают в определенной степени ироничным, потому что, как сказал сам Киссинджер, сейчас мирового порядка попросту не существует. Наши современники настойчиво и порой отчаянно ищут концепцию мирового порядка, и пока крупные державы — в частности США и Китай, но не только — не достигнут некоего соглашения, касающегося их ролей на мировой арене, «хаос будет угрожать» всем. Детали этого соглашения пока остаются неясными и потребуют от политиков всего творческого потенциала и изобретательности, на которые они только способны. Но в одном Киссинджер абсолютно уверен: «Ни одна страна, будь то Китай или США, не способна в одиночку играть роль мирового лидера так, как это делали США непосредственно после окончания холодной войны» [1]. Что касается господства США, пишет американское издание National Interest, «всегда было ошибкой говорить об “американском империализме”, имея в виду то же, что имеется в виду при упоминании о российском или британском империализме. Однако конец антикоммунизма как значимой силы в международных делах привел к уменьшению влияния Вашингтона на мировой арене и повлек за собой последствия, очень похожие на последствия краха более традиционных империй. Либеральный дух, который был основой первенства Америки, теперь выглядит довольно слабой защитой перед национальной, этнической или религиозной идентичностью — даже внутри западного альянса» [1].

Таким образом, национальный суверенитет во всех его измерениях (включая правовой суверенитет) сегодня триумфально возвращается на повестку дня, еще раз подтверждая тезис о том, что многие исторические и геополитические процессы развиваются по спирали.

Литература

1. *Барри Гьюэн*. Сила Америки в эпоху беспорядков: пер. с англ. // Портал «ИноСМИ». URL: <http://inosmi.ru/politic/20160822/237600376.html> (дата обращения: 22.08.2016).
2. *Берман Гарольд Дж.* Мировое право: экуменическая юриспруденция Святого Духа // Представительная власть. 2005. № 1 (61). С. 13.
3. В Оксфордский словарь добавили «Грекзит» и «Брекзит» // Информационное сообщение РБК от 27 августа 2015 г. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55defca39a7947235b49c5a0>.
4. *Вагнер Г.* Дилемма Канта — его «мировое государство». Как можно представить себе сегодня мировое сообщество? // Пространство и время. 2012. № 3. С. 52–60.
5. *Виноградова Т.И.* «Хорошее политическое управление» (good governance): к вопросу о роли центров публичной политики // Публичная политика 2004: сборник статей / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2004. С. 8–19.
6. *Джантаев Х.М.* Человечество — как субъект метаправа // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (72). С. 187–196.
7. *Леонтьев М.* Глобальный «Экзит» // Официальный интернет-сайт «Изборского клуба». URL: <https://izborsk-club.ru/9800> (дата обращения: 07.07.2016).
8. *Сатановский Е.Я.* Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». М.: Издательство «Э», 2016. 540 с.
9. *Тихомиров Ю.А.* Новые векторы регулирования — «другое право»? // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 5–15.
10. *Тихомиров Ю.А.* Право: прогнозы и риски: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Инфа-М, 2015. 240 с.
11. *Тихомиров Ю.А.* Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 5–20.

Literatura

1. *Barri G'yue'n.* Sila Ameriki v e'poxu besporyadkov: per. s angl // Portal «InoSMI». URL: <http://inosmi.ru/politic/20160822/237600376.html> (data obrashheniya: 22.08.2016).
2. *Berman Garol'd Dzh.* Mirovoe pravo: e'kumenicheskaya yurisprudenciya Svyatogo Duxa // Predstavitel'naya vlast'. 2005. № 1 (61). S. 13.
3. V Oksfordskij slovar' dobavili «Grekzit» i «Brekzit» // Informacionnoe soobshhenie RBK ot 27 avgusta 2015 g. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55defca39a7947235b49c5a0>.
4. *Vagner G.* Dilemma Kanta — ego «mirovoye gosudarstvo». Kak mozjno predstavit' sebe segodnya mirovoe soobshhestvo? // Prostranstvo i vremya. 2012. № 3. S. 52–60.
5. *Vinogradova T.I.* «Xoroshee politicheskoye upravlenie» (good governance): k voprosu o roli centrov publichnoy politiki // Publichnaya politika 2004: sbornik statej / pod red. A.Yu. Sungurova. SPb.: Norma, 2004. S. 8–19.
6. *Dzhantayev X.M.* Chelovechestvo — kak sub'ekt metaprava // Evrazijskij yuridicheskiy zhurnal. 2014. № 5 (72). S. 187–196.

7. *Leont'ev M.* Global'ny'j «E'kzit» // Oficial'ny'j internet-sajt «Izborskogo kluba», URL: <https://izborsk-club.ru/9800> (data obrashheniya: 07.07.2016).

8. *Satanovskij E. Ya.* Kotel s nepriyatnostyami. Blizhnij Vostok dlya «chajnikov». M.: Izdatel'stvo «E'», 2016. 540 s.

9. *Tixomirov Yu. A.* Novy'e vektory' regulirovaniya — «drugoe pravo»? // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 4. S. 5–15.

10. *Tixomirov Yu. A.* Pravo: prognozy' i riski: monografiya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Infa-M, 2015. 240 s.

11. *Tixomirov Yu. A.* Pravovoj suverenitet: sfery' i garantii // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 3. S. 5–20.

A. A. Golovina

Legal Sovereignty and World Law

This article deals with the concept of «world law» (the legal basis of the «world state») in its historical and contemporary geopolitical interpretation, the crisis of this concept in the modern transforming world order, in connection with which the category of state sovereignty re-enters the historical stage (in all its dimensions, including the legal sovereignty) is shown.

Keywords: state sovereignty; legal sovereignty; world law; world state; globalization; anti-globalization.